

УДК 1(091)

## **О ПРИРОДЕ ПРАВА КАК ПРАКТИЧЕСКИ-ДУХОВНОЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ФОРМЕ**

**В.В. Ильин\*, В.А. Никитин\*\*, Т.О. Тедеева\*\*, Э.И. Шайсултанова\*\***

\* ГБОУ ВПО Московский государственный технический университет им.  
Н.Э. Баумана, г. Москва

\*\*Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВПО Казанского (При-  
волжского) федерального университета, г. Набережные Челны

Предмет внимания авторов – право как должностовательно-императивная символическая форма практически-духовного. Социальное назначение права – учреждение гарантийности обмена деятельностью, соблюдение равнопартнерства сосуществования на базе кодифицированных принципов выражения порядка.

*Ключевые слова:* регуляризация, норма, должествование.

Природотворяющая сила человеческого – обмен деятельностью, межиндивидуальное взаимодействие, коммуникация, интеракция, позволяющие определять человека как существо общественное, общительное, общающееся.

Между тем общение не «делится на разум без остатка» (Гете). Камень преткновения взаимодействия – воцарение неопределенности, неустойчивости, нестационарности. В стихии обмена деятельностью высока вероятность столкновения интересов, воле, свобод, чреватых неорганизованной массой произвольных взглядов, действий. Возникают ситуации негарантированные, в которых «побуждения пересиливают все прочее» (Сеченов). Дело можно понять яснее и резче, если сказать: где спонтанные возмущения способны влечь непредопределяемые (трансцендентные) исходы, там мы сталкиваемся со случаем некорректных задач, нарушающих условия постановки задач корректных. Напомним, задача считается корректно поставленной, если удовлетворяет требованиям наличия, однозначности, устойчивости решений. Несоблюдение хотя бы одного из требований трансформирует корректные задачи в некорректные, т. е. не имеющие даже приближенных решений.

Шок от обнаружения последних был столь велик, что Адамар ввел соответствующий запрет на их пребывание в науке, – действительно, какой смысл может иметь решение, если сколь угодно малое варьирование переменных влечет сколь угодно большие его (решения) изменения? Иначе говоря, наука требует от своих объектов устойчивости к возмущениям и, следовательно, онтологической упорядоченности, интерпретируемости. В противном случае исчезает предмет изучения.

Намного серьезнее, острее положение в социуме, передающем проявление *Homo credens* по законам световой волны. Купирование произвольных натяжек, деструкций, выбросов самости, вызванных к

действию автономно, производится предписаниями к сообществу и его составляющим, ставящим противовес безобразию человека в самих его побуждениях.

*Регуляризация.* Невероятное разнообразие жизненных сред, контекстов общения – можно ли надеяться ввести их регламентацию? Мечников допускал «космическое чувство» в человеке в виде любви к ближнему и миру. На этой почве выросал ортобиоз – учение о рациональном образе человеческой жизни.

Допущение «врожденной человечности» (Олдридж), тяги к возвышенному в качестве «законного стремления человеческой природы» (П. Романов) не ново. «Спокойствие порядка» (Августин) в виде высшего «содействия согласованной жизни» вводили поборники законоустанавливающих рассматриваний, опосредующие универсум логосом. Таковы стоики (согласно логосу устроен мир); христиане (согласно логосу создан мир), сводящие план и акт творения к разумной схеме. Аналогичный ход в конструировании образа действительности проигрывал Конт, убеждающий: всякое явление есть просто следствие порядка, который вытекает из естественных законов.

Если устремить внимание в этом направлении, придется признать – перед нами тенденция нарочитая, решительно выводящая за пределы трезвого понимания.

«Прекрасно лишь то, чего нет на свете», – говаривал персонаж Руссо. Аксиома вечного разумного масштаба жизни страдает пропуском существенного – «разумное» не покрывает «человеческого». Сущее не крепится на разумном плане; базисом жизнедействия выступает свободное самовыражение, в рамках которого человек «за все платит сам» (Сартр).

Жизнь не делает нас совершенными, – она делает нас нормособразными, встраивая в качестве частей в глубокий и мощный строй социально выверенного. Укрощение угроз вследствие свободы самовыражения, безнарядного произвола осуществлялось *ab origine* вставлением деятельности и созидания в твердые рамки предопределения. Роль регулирующего начала с переступанием границ передаваемого рационально играли смирительные колодки судьбы, рока, фатума, промысла, вводящие момент неизбежности, неотвратимости, необходимости.

Летописи рода человеческого сохранили имена богинь, дающих жребии, создающих вторую, третью перспективу провидения. В их числе мойры – Клото (прядущая жизненную нить), Лахесис (определяющая участь), Атропос (прерывающая жизнь), совокупно конкурирующие с Тихе.

В переводе на язык мыслей указанное в темной сути транслирует из древности идею закона: предусмотрение – то, что упорядочивает человеческое движение.

Человек задуман по образу и подобию Божьему, а сотворён только по образу. Подобие достигается в самотворчестве по неким правилам.

Сфера человеческого в истории – сфера регуляризованного. В кругу общения мы взаимозависимы. Основание действий – наш выбор, без которого мы – элемент природы, но выбор подготовленный, экспектационный. Эффект социальности – эффект вовлечения, участия, сопричастия. В противоположность *Homo ferus* *Homo sapiens* в сообществе себе подобных руководится максимой «для людей с людьми». Сие означает согласование поведения с системой ожиданий по поводу правил исполнения частичных ролей. «Есть много вещей, не обязательно запрещенных, которые человек вряд ли решится делать в присутствии другого человеческого существа», – подчеркивает Шибутани [9, с. 25]. Обмен деятельностью крепится не на произвольных, а на вмененных фигурах, исключающих самочиние, санкционированных порядком интеракции. Невстроенность в таковой равносильна бездомью человека, пребывающего в асоциальной форме – вне общества и его установлений. Римляне ставили на изгоев клеймо «*save furem*», обрекая на отлучение, отчуждение. Схожим клеймом отмечены отвергаемые обществом социальные типажы «девианта», «делинквента», «деликта» (три «д»), патологично неспособные на сколько-нибудь прочные, глубокие отношения, требующие хоть ничтожной доли души.

*Три «д».* То, что обособливает человека из бытия, есть свобода. Свобода выбора. Последний, однако, не произвольная игра сил в духе «своей глупой воли». Свободу выбора в социуме выгодно отличает опосредованность полем правил, некоей инструктивной канвой «что и как делать», ориентирующей на поведенческое преодоление низин жизни, исключающей абсурдистско-парадоксалистские веления, самоосуществления, импровизации наподобие нелепого кредо: «Какое мне дело до законов природы и арифметики (читай: законов общества. – *Авт.*), когда мне эти законы и дважды два четыре не нравятся» [4, с. 105]. (Политический волюнтарист Людовик XVI в 1742 г. ввел формулу указа «потому что так нам нравится»).

Как показал М. Шериф, даже на восприятие реальности (стадия чувственности) воздействует позиция окружающих [11]. Словом, казалось бы, вполне суверенный потенциал субъективности складывается через внешние оценки, квалификации, влияния.

Субъективный опыт – не сознание, а история, говорит Дьюи. Разумеется, повторное переживание и воспроизведение индивидуальностью прочных и гибких уз социальности, кристаллизованных регламентами права (юридизм), морали (этизм), традиции (традиционализм). И одно, и другое, и третье – ресурсы одного сущностного уровня, позволяющие стратегией не прямых действий, точно ключу, открывать плотно запертые двери.

Жизнь – высокая ценность. Но многократно выше жизнь патентованно достойная. Формы обеспечения достойной жизни – опробованные практикой порядки деятельности и созидания. Бес импульсивных

решений, насильственных вмешательств, деструктивных маний приручается терпимостью, согласием, примирением, вытекающим из высокой резонансности инициатив социальным нарядам.

Право – формально-официальное, кодифицированное, институциональное выражение порядка (система общеобязательных должностований) – нормы, меры, через «свободу», «равенство», «справедливость» фиксирующие правначала (правомочность, правоспособность, правосубъектность) с обеспечивающими их сдержками, противовесами, способами контроля, санкциями.

Мораль – неформально-официальное, кодифицированное неинституциональное выражение порядка (система адресных вменений, через «совесть», «достоинство», «честь» вводящая гуманитарно прочувствованные оценки, устанавливающая внутренний распорядок души) – принципы, предписания, заповеди, максимы, непосредственно-практические повеления «что должно», формирующие способы самоконтроля, диспозиции «субъективной единичности» (Гегель) к благочинным, добродетельным самополаганиям.

Традиция – неформально-официальное, некодифицированное, неинституциональное выражение порядка (система стереотипных мироориентаций, устойчивых деятельностных реакций) – обычаи, заветы, обряды, ритуалы, предания, назидания, через «классические образцы», «символы веры», «кредо» поддерживающие, передающие, воспроизводящие элементы наследия, дабы выработать идентичность, задать преемственность, нащупать времени связующую нить, т.е. воплотить целесообразное культуротворчество.

Культура, вопреки Фрейдю, есть не постановка, а снятие элементарных запретов. Снятие благодаря насаждению орудий, опор гуманитарной формации – устоев, регламентов регуляризации. Право, мораль, традиция оконтуривают рамки социальных взаимодействий двусоставно: в измерении официальной признанности, общеобязательности, эффективной позитивности и в измерении санкционированной «Я-мотивации». В результате проявления человеческого в человеке – акты выбора – поддаются рассмотрению и со стороны реализации свободы, и со стороны меры подлинности человека.

Действительно, сущностная природа «Я» сказывается в вовлечении, участии, наведении мостов взаимности. «Я» не автаркично, живет с публикой, для публики, за счет публики; раскрывается в отношении к «своему иному» в двутактном цикле присвоения и отдачи. «Я» – организация многоэтажная, цементированная сознанием, что «Я» – нечто большее, чем его пребывание в малом натуралистическом времени. Обретение личностного в утрате биологического: это «нечто большее» – от сознания пребывания в большом времени культуры, социальной памяти, наследия. Динамический срез поставляет такую картину: переход границы предличностного, предморального инстинктивно-

автоматического мира и приобщение к личностно-моральному бытию означает погружение в стихию высоко-духовной, идеологической жизни, управляемой законами не органического, но ценностного существования. Когда восприимчивость «Я» в сонме интенций на высокое приходит в упадок, личность перестает быть субъектом идеологии, происходит деградация «Я», выражающаяся в разрушении экспектаций, впадении в «ситуацию ноль», возвращении в «естественное состояние» (в животном царстве в отсутствие ценностной рефлексии нет идеологичной взаимности сознаний).

Как видно, регуляризованность общения есть последний базис человечности в редакции: правоспособность, совестливость, нравственность, персональная добропорядочность выступают окончательными основоположениями гуманитарного. Деформация их чревата развалом гуманитарной формации, обмельчанием человека. Прекрасно об этом – у Гоголя: «Все теперь расплылось и расшнуровалось. Дрянь и тряпка стал всяк человек; обратил себя в подлое подножие всего и в раба самых пустейших и мелких обстоятельств», и нет теперь нигде свободы в истинном ее смысле».

«Рефлекс свободы» (Павлов) в цивилизованной оранжировке значит противодействие агрессивному принуждению, но не благочинному побуждению. Императив «автономия человеческого духа» (Маркс) допускает лишь такое прочтение: «Ты должен, следовательно, можешь».

Регуляризация не возвращает пострадавшему утраченное, она предупреждает бессмысленный и беспощадный бунт, делает нормообразным общение, координирует взаимодействие независимо мотивированных участников. Границы регуляризации – порог, за которым – ненависть, отрицание, отрешение, разрыв, распад, разложение, интервенция. Его переходят представители трех «д» – девианты, делинквенты, деликты – носители брутального, вымороченного, вырожденного, асоциального.

Три «д» – профаническая, хаотическая патология на базе выхода из порядка, изъятия из регламентов. Соответствующие разрушения субъекта прав и обязанностей возникают

– в случае девианта – по причине соматических деформаций (подрыв юридикзма, этизма, традиционализма). Скажем, в Австралии человека с лишним набором хромосом не судят, т. к. считается, что действия дефекта не подводимы под какую-либо канонику;

– в случае делинквента – по причине поведенческих деформаций (подрыв этизма, традиционализма). Крайним выражением аффективного самоутверждения является афронт – нарочитое игнорирование, нарушение этикета;

– в случае деликта – по причине правовых деформаций (подрыв юридикзма). Варианты проступков, преступлений – виновных противоправных деяний, совершенных вменяемыми.

Единственным способом, каким человечество может пролонгировать гуманитарное состояние в степени, отвечающей «особенной действительности и специфическому содержанию» (Гегель), приличествующим высшей сфере мироздания, есть регуляризация, намечающая горизонт дозволенного. Он представляет собой форму узаконения свободных самовыражений. За его пределами – неопределенность, отсутствие гарантийности, повышенная вероятность провала в деструкцию.

Сверхзадача горизонта, связывая обмен деятельностью, задавая поведенческую качественность коммуникации, нормировать, вводить норму.

Базовое понятие теории ценностей – норма. Как директивная инстанция она устанавливает меры, руководящие начала, правила, порядки, распространяющиеся на все измерения человека как био-социоприродной организации.

*Измерение «био».* Первейшее условие нормосообразного – исключение уродливой ненормальности. Сказано в Евангелие от Матфея: «Не все вмещают слово... но кому дано» (Мф. 19, 12). Причисление к роду Ното идет «по способности» обладать разумом, отправлять волеие. По наличию данных потенциалов проводится идентификация: «Люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Правоспособность вытекает из состояния «быть человеком», пребывать нормальным «по рождению».

*Измерение «социо».* Фундаментальное условие нормосообразного – приобщенность к социальному этосу (совокупность правил общежития, набор согласованных норм, институционально защищаемые установления). Причастность к социальности обусловлена принадлежностью к статусам – регламенты дееспособности (удовлетворение условиям «зрелости» – цензы); членства: касты (Индия), кланы (Китай), племена (арабский мир), сословия (средневековая Европа) и т. д.; коммуникации: символизм общения, – скажем, руку мужчины жмут, руку женщины целуют, руку церковного иерарха (мужчины) целуют – по его касательству к чину и т. д.

*Измерение «культура».* Капитальное условие нормосообразного – чувствительность к традициям, заветам, тонким духовным влияниям. Принципы объединения людей – исходные идентификации:

– стереотипы: формы устойчивой целостности миродействия от привычек, обычаев, данных в предании (фольклорно-эпические выражения, свидетельства) до обязывающих смысловых дифференцировок «МЫ» – «ОНИ», вводящих картину дробной действительности (вплоть до эндогамии);

– архетипы: формы устойчивой целостности мироотношения, миропонимания, членившие единое человечество по поколенческим, культурным, расовым, половым, ареальным признакам. Отсюда разломы в понимании, кооперации: дилеммы «отцы – дети», «старое – но-

вое», «мужчины – женщины»; трилеммы «белые – желтые – черные», «Запад – Россия – Восток» и т. д.

Нерв социальности – интеракция, складывающаяся на базе норм, нормирования обмена деятельностью во всех отмеченных регистрах. Каковы нормы, таково межсубъективное взаимодействие, каково межсубъективное взаимодействие, таково общество.

При судействе (общественный строй, описанный в Книге Судей) власть отправлялась по авторитету; при монархии – с изменением регламента интеракции – по принуждению.

На Западе, утрирующем «право», «гражданство», преобладает достижительность в самоутверждении. В России, акцентирующей «духовность», «моральность», есть склонность к исканиям (вплоть до самоотречения с обретением самоуважения). Отсюда – отсутствие самоинициации в напряженном достижении статусов (за статусы в России не борются всеми правдами и неправдами, на статусы в России приглашают – прецедент С. Радонежского).

Таким образом, ценностный нигилизм (казус трех «д») не терпим; регламентация обмена деятельностью как матрица ценностного санкционирования поведения,

- производя смыслы, значимости в общении,
- проводя отнесение к общеобязательности,
- осуществляя передачу опыта,
- намечая способы обретения статусов,
- превращает знаки в события, определяет непреходящую

роль регулятивов.

Фактуальная основа норм как эффективных основоположений деятельности – «рутина» традиционных эволюционных инструментов – отработанных в недрах природы условно-рефлекторных, подражательных принципов, на уровне мотивации, экспектации очерчивающих поведенческие границы для

- согласования жизненных интересов (особей, популяций) на базе «разрешенного – запрещенного» (прав – обязанностей);
- вписания индивидуальности (частное) в совместность (общее).

Роль нормативной канвы обмена деятельностью исходно играли ритуальные, обрядовые, назидательные пласты мифа.

Ритуал – канонизированный порядок церемониально-обрядовых действий. Обряд – множество установленных обычаев, традицией действий (демаркация между ритуалом и обрядом задается основанием побудительности, позволяющим различать «внешнюю» и «внутреннюю» встройку лицедеев в церемониальные акты). Обычай – совокупность исторически выработанных стереотипных фигур поведения.

Стадии кристаллизации права:

- зарождение права – архаичная социальность стадии вождеств.
- Право выплывает из обычая, традиции как средств регуляризации

совместной жизни. На этой стадии право отличают: казуистичность (оформление в нормы отдельных эпизодов); несистематизированность (правоприменения, правотворчества); нерасчлененность (синкретизм уголовного, гражданского, имущественного, земельного, семейного, торгового, процессуального права)<sup>1</sup>; неинституциональность (отсутствие специализированных органов юстиции); общинность (надличностный характер ответственности);

- привязка нормативной формации к особенностям общежития локальных групп (племенное, обычное (от слова «обычай», право), регуляризацию поведения в которых поддерживают полномочные группы (вожди, жрецы);

- сословное (корпоративное) право (IX–XV вв.). Упрочение сословно-цеховой структуры общества, обуславливая ролевую, частично-функциональную дифференцировку социума, узаконивает единообразные порядки общения для представителей конкретных страт (право – поведенческо-этикетная императивная канва общения);

- общегосударственное право (XVI–XVIII вв.). Система кодифицированного институционального права: государственное нормотворчество, санкционированное правоприменение, правоохранение.

Назначение: нормы, правила общественного взаимодействия, вводящие легитимные возможности самореализации.

Структура:

- права человека (естественные права – базис позитивного права), обеспечивающие предпосылки гарантийного сосуществования;

- принципы – основоположения права, обуславливающие «демократизм, справедливость, гуманистичность, равенство» материализации правовых норм.

Субординация:

- референдумное право (публичное право) – приоритет общесоциальных решений (плебисциты, ассамблеи) перед решениями законодательных, совещательных органов;

- централизованные нормы – изданные государством, законодательными учреждениями законы, подзаконные, нормативные акты (указы, постановления, декреты, инструкции);

- корпоративные нормы (частное право) – правила деятельности организаций;

- договорные нормы (частное право) – соглашения, регулирующие порядок социального самоопределения субъектов интеракции.

В ситуации поведенческой неопределенности, утверждалось вышеле, не остается ничего иного, как адресоваться к нормализующим самореализацию моральным абсолютам. Между тем мораль не поставляет

---

<sup>1</sup> Систематизация статей началась с институций Гая, «Саллической правды» Хлодвига I.



универсальных ресурсов снятия жизненных коллизий. Общеизвестен недостаток морали – отсутствие всеобщности, необходимости, гарантийности. Аналогичное утверждаемо о религии.

Всевышний своим личным подвигом, преодолевая предательство, неправый суд, гонение, трусость, лицемерие, выстаивает, но выказывает любовь к... нравственным уродам. Любовно-жертвенный подвиг Спасителя искупает идею рода (по призванию – высшей ипостаси мироздания): «...се человек» – немощен, слаб, греховен, податлив, но в противостоянии велик, силен, несгибаем, несокрушим. Спасение человека через возрождение веры в него – героический, самоотверженный акт, подвигающий к благородному, возвышенному, заставляющий самое имя «человек» звучать гордо. Только – гордо ли звучит «человек» в... массовой душегубке?..

При рациональной реконструкции ситуации дело не столько в ущемлении «доброй воли», сколько «демонической свободы». Основное противоречие человеческого мира – противоречие свободы и принуждения. Торжество свободы, в отличие от предположения Шеллинга, не оказывается предзаложенным: утрата свободы, как мы понимаем, не доказывает успеха свободы [8, с. 120–121]. Перед лицом неумолимых обстоятельств, когда внешней принудительности противостоит внутренняя свобода, победа последней а priori не обеспечена.

Когда изменить ни мир, ни себя нельзя, чем подкреплять душу? Не помогает ни наука (справедливое для рационального сознания может быть пагубным для жизни – за создание ДДТ дали Нобелевскую премию, однако отказались от широкого его использования по причине разрушения жизненного); ни религия (справедливое для апофеозного сознания – «непорочное зачатие» – для жизни бессмысленно); ни мораль (в глубочайших тайниках нашего самопринудительного «благообразного, добродетельного» сознания – роковой разлад). Перефразируя Наполеона, можно выразиться так: место фатума со времени Древнего мира заняло право.

Не ограничиваясь рамками уникальных интерактивных систем отсчета, право охватывает всю полноту интеракции (по объему, но не по сути – «полное право есть полная несправедливость»), не ущемляя компетенций ни религии, ни морали.

Взятые единственно, мораль, религия, право самостоятельны, автономны; они не могут быть фундированы друг другом. Подчинение морали религии влечет корысть; подчинение религии морали влечет диктизм, ригоризм; подчинение права религии влечет фундаментализм, морали – волюнтаризм, патернализм. Наряду с прочими формами практически-духовного права оккупирует свою символическую нишу, в тематизации своей природы не допускает игры порождениями воображения вместо понятий, словами вместо вещей [5, с. 598].

Право отменяет базирование обмена деятельностью на сверхразумности, сверхопытности, анархической свободе, безответственности (отсутствие обязывающего в выборе, поступке, действии, принятии решения), одновременно вводит в выполнение действий, отправление дел облечение полномочиями, обусловленностями. Долженствовательное (обязанное) в границах права – не то, что в морали, – означает не «совестливое», а «социально выверенное», получаемое посредством казуистически-канонического перевода переживательно-чувственного в нормативное. Кодификация «полномочного» упраздняет «расчетливо мучительное», «беспомощно заискивающее», «безропотно угодливое» и т. п., идущие от наихудшей из видов зависимости – человеческой произвольности. Еще раз: формализация, систематизация фигур общения в праве избавляет от самой скверной подчиненности – человека человеку.

Право есть нормативная форма равенства людей, носящая абстрактно-всеобщий характер (отвергающая привилегии, произвол по частным волонтарным основаниям). Неотменяемое новшество права – введение универсальных императивов деятельности, ограждающих от деспотии, тирании, диктата. Правовое состояние есть состояние свободы не экзистенциального, но социального толка, регулируемое мерами равенства в возможности заявления своей воли на основе формальных – беспристрастных, безличных, безразличных – предписаний, установлений, законов. Правовая свобода означает отсутствие волонтарных стеснений, ограничений, связывающих самореализацию преднамеренными, умышленными, самовластными оковами. Задавая абстрактно-всеобщее равенство и свободу, право обеспечивает справедливость (какая может быть лишь правовой). (В России, к несчастью, приобрела популярность не правовая, а патерналистская справедливость, поддерживаемаяся нажимными методами ведения дел в форс-мажоре.)

Реперными точками, фикс-пунктами права выступают:

– закон. Правовой закон аттестует не «прагматический порядок», а легитимные правовые императивы, задаваемые законодворчески «по понятию» (иначе – «телефонное», «кулачное», «революционное» право) в обход произвола доброхотства, господского осчастливливания – тот же гражданский патернализм, бюрократический авторитаризм (наставническая озабоченность, благолепие, расчетливость, отеческая заботливость). Главное в законе – самозаконие, исключаящее наставительность, призрение внешних (управительных) сил и позволяющее самодостаточным самостоятельным гражданам действовать в согласии с правом свободно. Как официально признанная норма закон может совпадать (правовой закон) и не совпадать (ошибки, злоупотребления текущего законодательства) с правом. (Право в точности не совпадает с законом; закон, в свою очередь, в точности не совпадает с указно-декретным кодексом.) В идеале право должно быть законным, закон правовым. (Юридический позитивизм – нормативизм – некритически пренебрегал казусами,

где закон оказывался орудием противоправного нормотворчества. Духом правового нигилизма, фетишизацией норм права буквально пропитано советское время, приравнивающее «социалистическое право» к своду приказных норм, установок центрально-административной системы.) Право в объективном смысле есть закон; право в субъективном смысле есть «способность» (ср. идущее от Г. Гроция различие «способность» и «соответствие»; одно предполагает освоение отношений власти, собственности, требовательности, другое сводится к вытекающей из родовой причастности дееспособности). Право – формальная и всеобщая предпосылка оптимально устроенной социальности. Право нельзя приносить в жертву чему бы то ни было. Одновременно праву нельзя что бы то ни было приносить в жертву;

– свобода. Право суть юридически выраженная мера равенства в свободе, ответственность за свободу. Право обслуживает свободного человека, являющегося целью и никогда – средством. Источник идеи права – соблюдение суверенитета «малой социальности» перед опасностью интервенций в неё со стороны «социальности большой». Эту идею начисто отметали Боссюэ и лидеры Просвещения (от Руссо до Гельвеция), без всякой публицистической элегантности высказывавшиеся за репрессивную роль государства применительно к человеку. По Гольбаху, этак статистская машина призвана обращаться с людьми, как «укротитель с тигром» [3, с. 173].

Тотальную и актуальную поныне добротную критику подобных умонастроений провели немецкие философские классики, расценивавшие государство (власть) как покусителя на свободные действия лиц в соперничестве и сотрудничестве. Задача государства – не господствование (человек создан для свободы!), а обеспечение равных условий, создание возможностей участия в выработке решений на общее благо.

Общественное состояние, как свободно-правовое, имеет тройкий корень:

- права человека,
- законодательные гарантии социального равенства,
- демократические права.

Это именно тот минимум, который, избавляя от кастовых, клановых, аппаратных привилегий, культивирует почву осмысленного, участливого гражданства.

Ничего не может быть порочней несущих недоверие человеку попечительских, покровительских устремлений со стороны власть держащих по поводу «дарования» свободного состояния. «Не может считаться хорошим выражение, – подчеркивает Кант, – известный народ не созрел для свободы. Крепостные помещика (будто бы) не созрели для свободы, а для свободной веры не созрели и люди вообще. Но при таких предположениях свободы никогда не наступит, ибо для неё нельзя созреть, если предварительно не ввести людей в условия сво-

боды (надо быть освобожденными, чтобы иметь возможность целесообразно пользоваться своими силами на свободе). Первые проявления свободоволия могут, конечно, оказаться грубыми и обыкновенно сопровождаются большими затруднениями и опасностями, чем те, при которых все стояло ещё не только под приказами, но и под попечением других, но созревают для разума не иначе, как только через собственные попытки...» [6, с. 198–199].

Свобода, как и право, не состоит всецело под патронатом государства (сугубо административный ресурс); наставническая забота в функции инструмента устроения (против чего всегда выступали Юм, Смит, Франклин), рано или поздно обнажая самодурство, недалекость властителей, подрывает самые основы права как всеобщего норморегулирования деятельности.

Побудительный потенциал власти – не наставительно-разрешительный (благоволенческий), а гражданско-правовой, – он устанавливается, контролируется дееспособностью как любого, так и всех членов общества, исполненных высокого достоинства самодостаточности «быть господами и владетелями самих себя».

Право предоставляет гарантии от гражданской опеки: человек поступает свободно в согласии с правом и собственными неотчуждаемыми понятиями своего призвания. «Всякий, – утверждает Фихте, – считающий себя господином других, сам раб. Если он и не является таковым, то у него все же рабская душа, и перед первым, показавшимся более сильным, который его поработит, он будет гнусно ползать. Только тот свободен, кто хочет все вокруг себя сделать свободным» [7, с. 79–80].

Предельно мыслимое бедствие, как известно, – смерть. В обычной жизни человек не превозмогает требований самосохранения. Между тем бывают случаи перекрытия императивов обыденности. Таков, к слову, случай свободы. Ущемлять человеческую свободу означает уже не только принимать на себя неподъемное, вторгаясь в компетенцию божества, даровавшего нам свободу [6, с. 198–199], но и покушаться на самое человека, пребывающего самим собой благодаря свободе. Утрата свободы – потеря самости. Отсюда программа: свобода или смерть.

Жизненный опыт, таким образом, обозначает бедствие большее, нежели «несчастье всех несчастий» – смерть. И это суть «несчастье сверх несчастий» – лишение свободы. Свобода – сверхутилитарное и глубоко интимное индивидуальное благо, исключаящее зависимость от другого. Страх рабства питает энергией внутренней независимости, вплоть до священного риска жизнью. Стремление к собственной суверенности через риск подтверждает свободу [2, с. 102];

– справедливость. Социальная беспристрастность – деятельность на законных всеобщих основаниях – дериват права. (Этимологическое подкрепление: «справедливость» – *justitia* – от «права» *jus*.) Неправовая трактовка справедливости корреспондирует патерналист-

скому, авторитаристскому произволу (не по праву, а по милости), пожирающему общий масштаб права. Адекватным мерилom справедливости способно быть лишь правовое мерило; социальная справедливость способна быть лишь правовой. Последнее означает введение всеобщей легитимной меры социальных возможностей (равенство) и ответственностей (воздаяние за нарушение). Формально устанавливаемое соответствие (юридическая эквиваленция) предоставляемого и обретаемого («по делам его»), собственно, конституирует справедливость.

Однако подобно тому, как обнаруживаются ножницы права и реальности, закона и насилуемого нормотворчества, практическая социальная техника намечает конъюнктурную сцепку справедливости со специфически проявляемым в жизнестроении «разумным эгоизмом». В общем случае феномен укладывается в стандартную фигуру «практическая целесообразность».

Многие человекоразмерные вещи объективны, но не символически. Сверхзадача нашего изложения – продемонстрировать: ущемление символического обрекает на неминуемое ущемление человеческого. Символы создают миры – не просто возможные миры (от способов знаковой фиксации), а миры человечески упорядоченные.

Право символично – координацию действий независимо мотивируемых индивидов в социуме осуществляет не инстинкт, а этос, опосредующий обмен деятельностью, нормами, установлениями, конвенансами. Подрыв символической формации – ориентации на обязывающие ценности общения – выставляет из твердых рамок регуляризации. Возникает турбуленция. Рушатся устои. Упраздняется закон. С ними – свобода. («Свобода, – поясняет Гегель, – бывает вообще там, где господствует закон...» [1, с. 38].) Все заслоняет пелена произвола. Человеческое разлагивается.

Мы не сгущаем краски. Специфика сущностной локализации человеческого – символическое.

Наш сюжет – право. Природу правоотношений определяет применение, соблюдение норм, иначе говоря, символов, а не приказов, потребностей, интересов. Деформация символического, влекущая кризис норм, предобуславливает кризис человеческого в целом. Примеры трюистичны. Та же демократия – отменна, желанна. («Способность человека к справедливости, – указывает Нибур, – делает демократию возможной, а склонность человека к несправедливости делает её необходимой» [10].) Если же демократия не отмечена печатью права, она и не отменна, и не желанна.

Эпизод 1: «Революционная демократия» – ничем не ограниченная власть народа. Не обеспечивает сугубого пустяка – «прав личности»; перерождается в тоталитаризм.

Эпизод 2: «Демократический вождизм» – лидерство предводителя масс. Не имеет правового статуса; перерождается в деспотию.

Эпизод 3: «Народная диктатура» – опирается на силу, а не закон; вырождается в насилие.

Опыт родоплеменной, рабской, феодальной, казарменно-социалистической организации учит: не может никакая обвораживающая казуистика заслонять казуистику права. Последняя всеобща и необходима. Всеобща, т. е. социально универсальна – в противном случае – частичная (сословная, корпоративная, клиентельная) общественность с патентованными изгоями. Необходима, т.е. социально обязательна – в противном случае – общественность несвободы с патентованными диссидентами.

Если принимать, что – предмет чаяний, – состояние свободы, складывающееся из сочетания возможного (объект) и допустимого (субъект), то обретение подобного состояния осуществляется *contagium vivum*: жизненного с символическим. Иного не дано.

### **Список литературы**

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. 630 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. М.: Изд. АН СССР, 1959. Т. 4. 493 с.
3. Гольбах П. Система природы. М.: Соцэкгиз, 1940. 456 с.
4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. М.: Наука, 1975. Т. 5.
5. Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
6. Кант И. Религия в пределах только разума. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 203 с.
7. Фихте И.Г. О назначении ученого. М.: ОГИЗ, 1935. 140 с.
8. Шеллинг Ф.В.Й. Философские письма о догматизме и критицизме // Новые идеи в философии. СПб., 1914. № 12. С. 45–68.
9. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. 544 с.
10. Niebuhr R. The children of light and the children of darkness. New York: Charles Scribner's Sons, 1946. 345 p.
11. Sherif M. A Study of Some Social Factors in Perception // Archives of Psychology. XXVII. 1935. № 187. P. 17–22.

### **THE NATURE OF LAW AS A PRACTICAL-SPIRITUAL SYMBOLICAL FORM**

**V.V. Ilyin\*, V.A. Nikitin\*\*, T.O. Tedeeva\*\*, E.I. Shaysultanova\*\***

\*Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow

\*\* Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny

The article is focused on the analysis of law as a normative-imperative symbolic form of the practical-spiritual human consciousness dimension. In the social perspective, law is aimed at the constitution of interaction guarantees, observance of equal partnership of coexistence on the basis of codified principles of order.

**Keywords:** *regularity order, norm, duty.*

*Об авторах:*

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор ГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

НИКИТИН Владимир Аркадьевич – преподаватель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: nizhnekamsk@chulpan.ru

ТЕДЕЕВА Татьяна Олеговна – соискатель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: neronikus75@mail.ru

ШАЙСУЛТАНОВА Эльмира Ильдаровна – старший преподаватель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: mir-sh@mail.ru

*Authors Information:*

ILYIN Viktor Vasilyevich – Ph.D., Prof. of Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

NIKITIN Vladimir Arkadievich – lecturer of of Philosophy Dept., Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: nizhnekamsk@chulpan.ru

TEDEEVA Tatyana Olegovna – Ph.D. student of of Philosophy Dept., Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: neronikus75@mail.ru

SHAISULTANOVA Elmira Ildarovna – senior lecturer of Philosophy Dept., Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: mir-sh@mail.ru